

RUGRAM

Дмитрий Легеза

Бабочка Маруся

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ / МОСКВА

2022

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л38

Легеза Д.

Л38 Бабочка Маруся. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 108 с. — (Серия «Пальмира — поэзия»).

ISBN

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN

© Легеза Д., 2022.
© Обух А., рисунки, 2022.
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

I

* * *

Ангел-бабочка Маруся
Все порхает и поет,
Ожерелье белых бусин
Разорвала — раздает.

Получи-ка, брошенка,
Жемчуга горошинку.
От тебя ушла жена?
Вот чудесный шарик — на!

Ангел-бабочка Маруся
Ах, воздушный акробат,
Не жалея белых бусин,
Раздает их всем подряд.

Даже зэку Кузину
Подарили бусину,
Тот её закинул в снег.
«Счастья нет» — смеется зэк.

НИКОДИМ

Кто-то пил, а кто-то брался за нож,
Не калеча били, до крови все ж,
Целовали женщин, пускались в пляс,
В общем, так повелось у нас.

Никодим сидел, качал головой,
Говорил о смерти как о живой.
Не плясал, не дрался, не пил вина,
Сразу видно: не наш, не наш.

Под гитару хрипели про «*people go*»,
Поднимали темы вещей, долгов,
Смаковать пытались виски со льдом,
Разнимали драку потом.

Никодим сидел, качал головой,
Говорил о смерти как о живой.
Был не слышан, хоть никем не гоним,
А затем ушел Никодим.

БЕЛОРУССКОЕ

Что такое дорога в лесу?
Безмятежности тяжесть большая.
Я иду и конфетку грызу,
Кое-как тишину заглушая.

А у вас, говорят, замело
Петербурга дворы и болота,
А еще агитируют зло,
А еще отравили кого-то.

А еще опустела казна,
Император кричит на бездарных
Исполнителей. Здесь же сосна
И какой-то колючий кустарник,

И далекий серебряный звук,
Будто звон колокольный с Коложи.
Жаль, дорога кончается вдруг,
И конфета кончается тоже.

* * *

Если выбрал погост, если выбрал страну,
Ты расслабиться вправе —
Отправляйся смотреть на большую волну
В Канагаве.

Не поверишь, какая бывает волна
На Сагамском заливе,
А как встанут одна за другой — ни хрена
Не увидишь за ними.

Сине-белое что-то грохочет, ревет,
И внезапно в прорехе
Сине-белая Фудзи появится — вот
Для чего ты приехал.

Пусть немного потерпят страна и погост,
Для гайдзина-поэта
У художника в доме фонарь не погас
И sake подогрето.

— Ну а где рыбаки, те, чья лодка длинна,
Выйти в море забыли?
— Господин, ты же видишь, какая волна
На Сагамском заливе.

* * *

А на Марсе яблони цвели,
Их сперва не видели с Земли.
Там всю румянились плоды,
Никогда не знавшие воды.

Там платили красные рубли,
Там копали красные каналы
И, конечно, яблони цвели,
И плоды, конечно, были алы.

Ми-ми-чу-рин, осьминог-парторг,
Юным комсомольцам-краснорожцам
Говорил: — Не ешьте «Глостер Йорк»,
А любите «Славу переможцам».

Как на Марсе яблони цвели,
Как пытели шахты и заводы,
Как отважно по пустыням шли
Трудовые танки-марсоходы...

А на Марсе яблони цвели,
Жаль, что их увидели с Земли.

ИВАН

Иван был не таким как все,
Когда он с женщиной знакомился,
— «Я — Ваня, не такой как все!» -
Он говорил и тем запомнился.

А остальные были «все»
Толпою сереньких и маленьких,
Их женщины бросали все
И вовсе не запоминали их.

Иван же был совсем другим,
Он отличался ростом, массою,
Длиной руки, длиной ноги,
Большою головой трехглазою.

Он хвост зеленый не скрывал
И крылья тонкие, прозрачные,
С таким и стойкий забывал
Все обязательства безбрачные.

Потом в густой осенний дождь
Он улетел драконом-селезнем,
И женщины спросили: — Что ж
Вы все-все-все не улетели с ним?

* * *

Борис из Мексики приехал —
И что-то с ним произошло,
Он непонятными словами
Намедни обругал жену.

Он странно смотрит на соседа,
На Солнце, снова на соседа
И тайно строит пирамиду
Из силикатных кирпичей.

Он пробует сырое мясо,
Подолгу говорит с собакой,
Провел неделю в зоопарке,
Где наблюдал орлов и змей.

Борис из Мексики вернулся
И стал совсем другим Борисом,
Он просыпается ночами
И страшно воет в темноту:

*«Подите прочь из снов моих,
Ацтекские приземистые боги!»*
Потом хохочет.

* * *

Оказывается, летчики верят в тысячерукого бога,
Тысячерукого прозрачного бога,
Который поддерживает ладонями
Большие красивые самолеты.

Перед каждым рейсом летчики
Молятся Тысячерукого богу,
Приносят ему жертвы — напитки, еду,
Сувениры из экзотических стран.

Но есть те, кто верит в другого прозрачного бога,
У которого не так много рук, но эти руки очень длинные.
Длиннорукому богу молятся космонавты,
Приносят ему жертвы — компот в тубиках, кусочки
метеоритов, лунную пыль.

Еще древние убедительно доказали:
Предмет тяжелее воздуха сам по себе не летает.

РОТАЦИЯ (ФАНТАСТИЧЕСКОЕ-ЕРЕТИЧЕСКОЕ)

Когда бы Б-г переизбрал народ
И заключил завет с румынами, к примеру,
И стало как бы все наоборот:
Несут румыны новый свет и веру,

Они скрижали тешут, строят храм,
У молдаван в плену томятся,
Но снова перевыборы — та-дам! —
И свет несут уже канадцы.

На клюшках золотых покоится ковчег,
Вокруг жрецы в хоккейных масках,
Но тут — та-дам-та-дам! — и выбран чех,
Потом монголы, эфиопы, баски...

Проходит десять или двадцать лет —
И новые являются пророки.
Намедни швед провидел горний свет,
Стоит и раздувает щеки!

ПОЧТИ ГУМИЛЕВСКОЕ

Сегодня нам сказали: умер
Последний белый носорог.
Последний северный великий африканец —
Мы (были) современники его —
Лежит, уткнувшись в бурые пески
Своей нелепой головою,
Похожую на зуб огромный коренной,
Зачем-то перевернутый природой.
А левый глаз упавшего гиганта
Еще открыт — там озерцо белеет
И уступает бурому песку.
И наступают бурые пески
На север, где политик хитрозадый
Увидит в этом знак — мол, скоро сгинет
Последний белый человек. Но мы
Чураемся подобных аллегорий.

ЧУЛОЧКИ

Матроски, стриженные челочки,
Смешные детские рисунки,
Но мне запомнились чулочки,
Они крепились на резинки.

Страна гудит, страна на марше,
Пыхтят станки, летят ракеты,
А мальчики из группы младшей
В чулки позорные одеты.

Как будто все открыты дали нам,
Твори миры, решай задачи,
Но разве можно быть Гагариным
В чулках сползающих девчачьих?

Пока над подлыми застежками
Мои сопели одногодки,
Я истерил и топал ножками,
Истошно требуя колготки!

МÉЛОДИЕ

Я иду по Салтыкова-Щедрина,
У меня сегодня белая спина,
На душе невероятное ку-ку,
Сад Таврический сейчас пересеку.

Я забавный сочиняю каламбур,
Я насвистываю *Mélodie d'amour*,
По сценарию мне встретится Она:
— Да у вас, — пошутит, — белая спина!

С декабрём внезапно станет всё не так,
Будто он теперь апрель, а я дурак,
Как дурак иду с раскрашенной спиной,
И дошкольники смеются надо мной.

Ах, не смейтесь, пацаны, я тороплюсь
На кино для тех, кому шестнадцать плюс,
Полтора рубля билетик — заходи,
Из окошка раздаётся *Mélodie*.

А вокруг невероятная метель,
Где же ты, невероятная Кристель,
Санта Клаусы толпятся у витрин,
Бородатые, как дедушка Щедрин.

СВИНЫ

Помню, было это в году девяносто первом,
По всей стране трещали скрепы и скобы,
Мы поехали в Таллинн, мы в поезде пили, пели.
Мы стремились в Европу свободу потрогать чтобы.

И потрогали. Холод осенний требовал дозаправки,
А запасы спирта иссякли еще на взлете.
Но возникла Башня — мы поняли, что взаправду
Тут Европа — и взяли глинтвейн у эстонской тети

На втором этаже. О, счастье, напиток пряный,
Жаль, что негде присеть, зато на первом под нами
Целый зал пустой: раздолье, поля, поляны,
Мы рискнули — и вдруг: — Куда вы прё-ё-ётесь СВИНАМИ?

С характерным акцентом был голос настолько трубен,
Мы, прижавшись к стене, не узнали той самой тети,
Что была продавщицей — в ней слились Рубенс и Врубель,
И две капли ртути стыли в жидком азоте.

— Тут нельзя СВИНАМИ, а вы тут прётесь СВИНАМИ! —
Сокрушались миры, глинтвейн покрывался в кружке
Ледяною коркой, тайфуны, смерчи, цунами...
Мы вернулись, верны эстоно-российской дружбке.

Все, что дальше — чудесно: солнце, осенний Таллинн,
Сто сортов «айскрима», и все-то были в новинку,
Этот шарик ванилен, клубничен, а тот — миндален.
А потом сувениры. Я выбрал милую свинку.

ТРИДЦАТЫЙ

Шли они по мосту, где торговые лавки и снизу река серебрится,
Группа туристов, было сперва их тридцать,
А через мост перешли двадцать девять.
Что делать?

Им говорили: — Не заходите в лавки торговые,
Вы же солидные, вы же толковые,
Время не тратьте на глупые сувениры,
Кроме того, здесь когда-то водились вампиры.

Это — легенда, но все же будьте быстры и ловки,
Три групповых фотографии, селфи не больше двух раз,
Как истомились автобусы, вас ожидая внизу на парковке,
Как утомились в отеле, ужин готовя для вас.

Вышло их тридцать туристов, дошло двадцать девять, что делать?
Где ты, тридцатый? Мечется, мечется гид.
Кто-то смеется: да никуда он не денется,
Кто-то ругается, кто-то в автобусе спит.

— Мы ж говорили, предупреждали, ждали,
Ждали покуда могли, а теперь, тридцатый, прости нас,
Кто тебя принял, женщина ли, вода ли,
Ты пропускаешь ужин — и это, конечно, минус.

.....

— Как же тут холодно, эй, кто-нибудь, помогите!
Почему мои руки связаны, что за ящики у стены?
Я отошел на секунду, только купил магнетик
С надписью «*Transilvania*», названьем их дикой страны.

Антон Поликарпович умер
И стал понимать свою кошку
И свинку морскую, и даже
Алоэ шипастый и пыльный.

Они ему долгие годы
Шептали, шипели, шуршали,
Мяучили в красное ухо,
В огромное ухо, а он

Хоть раз бы напряг свое ухо,
Напряг или, может, расслабил
Хоть раз бы, но был суетливым,
Веселье и деньги любил.

Антон Поликарпович умер
И слышит: «Привет, Поликарпыч,
Ты многое понял, но поздно,
А мы же тебе говорили...»

КУДА ПОЙДЕТ РОССИЙСКИЙ ГАЗ

Кстати, вы знаете, куда пойдёт российский газ?

Конечно, вы ничего не знаете.

А ведь наше правительство заключило секретный контракт

О строительстве нового газопровода.

Какие там Северный или Южный потоки, эти детские забавы,

На самом деле все гораздо серьёзнее,

Ведь наше правительство подписало договор с Владыкой Тьмы

О строительстве газопровода «Адский поток».

Какие там Польша, Германия, Турция... Нет, мы будем

поставлять газ в Ад,

В самое пекло для разогрева котлов, в которых мучают грешников.

Такой договор наше правительство

Подписало собственной кровью.

Наши трубы пойдут в глубины земли,

Они уже идут в глубины земли,

То, что взято из самых глубин, возвратится под землю.

С той стороны обещали помочь.

С той стороны обещали,

Что в ответ на поставку голубого топлива

Всем российским чиновникам

Облегчат посмертные муки.

Говорят, кое-кто из церковных иерархов

Уже благословил строительство.

Ведь это так важно,

Что на том свете

Можно жить, как на этом,

Пока не кончится газ,

Пока не кончится газ,

Пока не кончится газ.

GLORIA MUNDI

Хорошо жить в маленькой стране,
Издавать книги за счет государства,
Получать премии из рук генерал-губернатора
Или даже премьер-министра.

Дайте мне премию, господин генерал-губернатор,
Я пишу о бабочках и тюльпанах,
А ведь мог бы писать о голодных и мертвых,
О тюрьмах и о том, что неплохо бы назначить нового губернатора.

В большой стране все по-другому:
Можно писать о бабочках и тюльпанах, как поэт X,
О тюрьмах и мертвецах, как поэт Y,
Но есть еще поэт Z,

Который оторвал себе голову,
Четыре часа гулял с нею по площади,
А потом прибил над дверью резиденции
Сами понимаете, кого.

Голова еще открывала рот,
Наверное шептала стихи.
И поэту Z дали премию
С орденом на шелковой ленте.

Слава героям!

О ГЕРОЯХ

«Ты — герой, а герои уходят в рай,
Как героев их встречают в раю», —
Это наш полковник бесстыдно врал
Перед тем, как жизнь отобрать мою.

Мы ушли выполнять боевой приказ,
И, конечно, навеки остались там,
Чтобы кто-то далекий, узнав о нас,
Позавидовал мертвым нашим телам.

Позавидовал нашим портретам,
Позавидовал орденам
И пошел по нашему следу,
И, конечно, остался там.

«Всем ушедшим героям — слава,
Мы легко их ряды пополним», —
Говорили вражеский снайпер
И невражеский наш полковник.

Льется песня боевая — то отступит, то накатит,
Были б руки, были б ноги, я б и сам пустился в пляс.
А в раю-то места мало, всем солдатакам не хватит,
Вы, которые живые, помолитесь-ка за нас.

HASTA SIEMPRE

1.

Hasta Siempre

В городе Санта Клара
На Авеню де лос Десфилес
Есть тайная лаборатория,
О которой не знало даже руководство страны.

Никто, кроме Фиделя,
Никто, кроме Рауля
И еще двух-трех товарищей
Не знали, что в городе Санта Клара
Глубоко-глубоко в бункере,
Там, где хранятся руки
Убитого команданте,

Лучшие ученые мира —
Генетики и врачи —
Совершили великое чудо.
Им много платили за время,
Но гораздо больше за молчание.

Ради них, ненасытных ученых,
Тысячи крепких мужчин
Добывали коричневый сахар,
Сотни горячих женщин
Трудились на Варадеро.

И лучшие ученые мира —
Генетики и врачи —
Совершили великое чудо:
Viva la Revolucion!

.....

Hasta la victoria siempre, hasta...
Все тот же черный берет,
Та же проклятая астма
(Ничто ее не берёт).

Снова в зубах сигара...
— О великое чудо!
Амиго, мы ждем сигнала,
Мы ждем приказа, барбудо!

Мы — твоя гвардия личная,
Мы — двадцать девять верных
Эрнесто Рафаэля Гевары Линча
И далее де ла Серны.

— Я с вами, мои камрады,
Романтики революции,
Никто нам теперь не важен,
Ни *patria*, ни *muerte*,

Нам дела нет до Фиделя,
Раулю до нас нет дела,
Есть лишь огонь революции,
Пламя любой революции!

И нет иного сигнала,
Чем первый случайный выстрел,
И нет иного приказа,
Кроме приказа «огонь!»

Так вейся, бандера росса,
А также *otra bandera*,
Мы — прошлой жизни отбросы,
Мы — кости из Ла Игера.

Мы будем менять нашивки,
Бежать и стрелять куда-то,

Вчера боец по ошибке
Назвал меня «комайданте».

И нету над нами власти,
И нету за нами Кубы...
Вот только болят запястья.
Запястья болят. К чему бы.

2.

Волхвы ушли, солдатики остались,
Под елкой, под шарами хрустала
Двенадцать их из олова и стали
Поют: — Тра-ля-ля-ля,
Пехотинец, конник,
Пики-палаши,
Ну-ка, *Mausekönig*,
Рожу покажи!
Уж мы тебя, гадину,
Штыками полечим,
Уж мы твою гвардию
Посечем картечью,
Подавим БТР-ами,
Накроем Градами,
Трупиками серыми
Девочек порадуем!

3.

Меж камней обреченно лежит
пехота,
К ней все ближе и ближе танковая
колонна,
И тогда внезапно встает господин
Минамото,
Первый лучник нашего батальона.

Минамото, майор, позывные «Том»,
Двухметровый детина с перекошенным ртом,
У него гигантские плечи
И руки — каждая больше метра в длину,
Говорят, что он был в плену
И там покалечен.
Он глядит на стрелы свои и выбирает одну
С раздвоенным наконечником.

Господин майор, улыбка твоя крива,
Как могуч твой лук, прочна его тетива.
Многоножка мукадэ ползет, тяжела броня,
Но майор смеется: — Херня!

То есть, он, скорее всего, говорит иное,
По-японски, а мы лежим за его спиною,
Наблюдая, как двуязыкой, стальной, звуковой волной
Танк пробит головной.

Мы пошли в атаку, победно бил барабан,
Пехотинцы суровых эпох и суровых стран,
Те, кто древа не посадил, не построил дома.
А потом жгли костры и каждый думал о том,
Что когда-нибудь вырастит сына — великого, словно Том,
Минамото-но Тамэтомо.

4. СЛУЧАЙ

«На войне случается всякое.
Так однажды сержанту Николаю снарядом
Оторвало правую руку, правую ногу
И полголовы разворотило (конечно же, справа).»

Лежит сержант Николай и сквозь шок болевой
Думает развороченной головой:

— Был я человеком, а стал половиной,
Кровь моя перемешана с глиной,

Вот я умер наполовину, сейчас умру целиком,
Стану облаком белым, ах, скорей бы стать облаком... —
И не видит сержант Николай, превращаясь в ничто и дым,
Как белые санитары идут за ним.

А за линией фронта — поле, на поле минном
Рядовой лежит — он тоже стал половинным,
Усеченным слева кусками кусачей стали,
И зовут его Николаем. Точнее, звали,

Потому что душа Николая, та, что цела,
Потихоньку уходит, то есть почти ушла.
И сейчас Николай превратится в ничто и дым...
Но приходят два санитары за рядовым.

.....

«Доктор Франк доволен. Группы крови совпали.
По всем параметрам эти двое подходят друг другу.
— «Идеальная пара» — шутит доктор Франк.
С хорошим настроением он идет в операционную.»

.....

Человек на кровати, вокруг провода, по которым
Уходят сигналы от датчиков к мониторам.
Человек подключен к аппарату, но сам уже сделал вдох.
Доктор Франк, вы — бог!

.....

Я не помню себя, не помню, кто я такой,
Я могу дышать, а вчера шевельнул рукой.

Медсестра говорит, что я иду на поправку
И за это все спасибо доктору Франку.

О, спасибо ему, спасибо, что я живу
И что линия фронта теперь проходит по шву.
Слева прячется враг и справа прячется враг.
Ты родил чудовище, доктор Франк.

— Коля, Коля, Николай,
Сиди дома, не гуляй,
Ты зачем пошел гулять,
Из винтовочки стрелять.

ДО-ДИЕЗ МИНОР

Играй, Сара, играй
Посмертный бессмертный ноктюрн Шопена
До-диез минор.
Тебя зовут иначе, но господин комендант не обязан
Помнить всех по именам.
Господин комендант празднует свой день рождения.
Играй, Сара, играй.

Твой Краков давно *judenfrei*
И Польша твоя *judenfrei*,
И так постепенно
Становится мир *judenfrei*,
Играй же, Сара, Шопена
Играй.

Смерть твоя в белом мундире посреди банкетного зала,
Смерть твоя в белом мундире смеется и пьет вино.
Сара, как ты посмела,
Как ты решилась, Сара,
Выбрать печальный посмертный
Ноктюрн до-диез минор?

В белом парадном мундире, начитанный и культурный,
Комендант концлагеря Плашув по имени Амон Гёт.
Он ценит хорошую музыку, он тоже любит ноктюрны,
Он машет рукой: — *lass sie leben* —
И Сара живет. Живет.

II

ЛЫСЫЙ АНГЕЛ

Твой ангел лыс, как черная дыра,
Он первым поднимается с утра
И бьет тебя по голове калечной:
— Я честно охранял твой сон земной,
Побудь со мной, поговори со мной,
Корми меня, ленивый подопечный!

Твой ангел лыс, как черная дыра,
Он весь — посланец света и добра,
Отмеченный прекрасным аппетитом.
Смотри, не подведи его, герой,
Надень штаны, всю кухню перерой
И миску подходящую найди там.

Ты не готов, ты выпивал вчера —
Там развлекались гении пера
И томная читала поэтесса.
Красавицей увлекшись молодой,
Ты позабыл купить пакет с едой
Для ангелов избыточного веса.

* * *

Вещал мне дворник пожилой,
Узбек или киргиз:
— «Погладил кошку — грех долой,
Вот посмотри: — Кис, кис».

Помойный кот на зов пришел
И цапнул старика.
Был грех, наверное, тяжел
И не прощен пока

* * *

Старость подходит,
Знаки ее ощущаю:
Встретив кота, его имя
Припомнить не в силах;
Вида товарища,
Думаю — мой ли, соседский...

21 МАРТА

Седой поэт, как спившийся индеец,
Летящий Бык,
Неугомонный в прошлое гляделец,
Когда по вечерам один сиделец
На стопке книг.
Все боевые поминает шрамы,
Тот, у бедра,
Где критики, вцепившись, мякоть жрали,
Зато друзья потом бросали шляпы —
«— Поэт, ура!»
Татуировки — ямбы да хорей —
На память знак
О том, как зажигали и горели,
Поклонниц утонченные гаремы
Любили как...
Летящий Бык тогда летал и лился,
И строки лил,
А нынче стало время бледнолицых,
Сорочья суета, коварство лисье,
Пустой верлибр.

* * *

Фестивали, на которые нас не позвали —
Никуда не годные фестивали,
Читайте список гостей:
Графоман,
Москвич,
Москвич,
Графоман,
Графоман-москвич,
Неизвестный,
Неизвестный,
Поэт социально близкий, но с московской пропиской,
Поэт восемнадцати лет,
Поэт девятнадцати лет.
В общем, приличных нет.
Им оплатили полет бизнес-классом,
Отель хороший вполне,
Сувениры, экскурсии, свежее мясо
И старое каберне.
Им оплатили эскорт-услуги,
Трансферный паланкин,
Им будут рабынь умелые руки
Снимать напряженье спин.
Им оплатили ванны, бассейны,
Шоу белых слоних,
Нежные флейты и сямисэны
Будут играть для них.
Они танцуют на карнавале,
Под яростный черный джаз...
А нас обидели, не позвали,
Забыли совсем про нас.

ПИСАТЕЛЬНИЦАМ

Я прошу блондинок и рыжих,
Умоляю стройных брюнеток:
Не дарите мне толстых книжек,
У меня для них места нету.

Нету места на книжной полке,
В чемодане, портфеле, сумке.
Вам достаточно книги тонкой,
Тонкой книги с одним рисунком.

Посмотрев на простой рисунок,
Я возьму подарок нетолстый,
И, в карман пиджака засунув,
Не почувствую неудобства.

Поселю вашу книгу дома,
Оценю, посмеюсь, поплачу,
А вот том большого объема,
Не открыв, упеку на дачу.

Одного молодого поэта упрекнули
В недостаточной плотности текста.
С тех пор молодой поэт стал уплотнять и уплотнять свои тексты,
Пока не добился максимального —
Каждое его стихотворение
Становилось маленькой черной дырой.
Будучи опубликованным в толстом журнале,
Стихотворение начинало втягивать стихи других авторов,
Затем прозу и даже критику.
В конце концов втягивался и сам журнал.

Так пропало несколько известных “толстяков”.
А вы говорите, денег не хватает...

ПОМНИТЕ

Инопланетяне, которые хотят поработить нас,
Никого не боятся, кроме поэтов,
Поскольку поэты сами никого не боятся
(Я говорю про настоящих поэтов).

Пришельцев, что хотят завоевать нас,
Не берут ни пули, ни бомбы, ни даже лазеры,
Но от стихов поэта, который ничего не боится,
У них размягчается мозг, размягчается стул, размягчается сердце.

Инопланетяне, что хотят истребить нас,
Превратить в рабов, превратить в еду,
Придумали литературные премии,
Премии с большими деньгами.

Ведь поэт, который получил большие деньги,
Сразу начинает бояться...
Помните, что в жюри серьезной литературной премии
Обязательно есть хотя бы один рептилоид.

* * *

Говорят, что именами лучших поэтов
Называют самолеты.
Может быть, где-то есть Аэробус-380 «Алексей Парщиков»
Или Боинг-747 «Александр Еременко»...

Именами просто хороших поэтов
называют баржи и дрезины.
Хочешь быть дрезиной, дорогой друг?
Пиши хорошо, пиши больше.

Ха-ха, люди не знают,
Что, если назвать самолёт именем верлибриста,
Тот будет летать свободно,
Презируя все правила и законы.

Уважаемые начальники вся авиации,
Выбирайте силлаботоников!
Недавно я путешествовал самолетом «Андрей Дементьев».
Очень хорошее впечатление —
Ни одной воздушной ямы, ни одной турбулентности.

* * *

Ты будешь прозябать на пенсии,
В сенильном маяться маразме,
Когда Российская Поэзия
Тебе предъявит за харассмент.

Мол, двадцать лет тому назад ее
Ты обнимал и что-то мял ей,
Нерукотворной блазил статуей,
А на поверку вышел мямлей.

Ни пули, ни петли, ни лезвия
Не выбирал — и жил-то вяло,
Теперь ответишь за Поэзию,
За годы, что она страдала.

СЮЖЕТ

Один человек вызывает такси по интернет-приложению,
Пытается ввести свой адрес,
А телефон показывает: «Вы находитесь
На кладбище деревни Дубки. Куда ехать?»
— Но я же дома, я дома, в квартире,
В Москве, в самом центре,
На улице Большая Дмитровка,
У меня сегодня в планах несколько важных встреч,
Потом ресторан и еще поэтический вечер,
Мне срочно нужна машина на Большую Дмитровку,
А в этой службе такси, похоже, работают мудаки...
(Дальше следует ругань и стандартный набор угроз) -
Ответ: «Вы находитесь на кладбище деревни Дубки.
Куда ехать? Куда ехать? У нас очень высокий спрос».

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В далекой параллельной вселенной
Поэты умирают в середине жизни.
Красиво, как и полагается
Поэтам.

Их торжественно хоронят,
Произносят трогательные речи,
Издают книги,
Их именами называют фестивали.

Затем поэт внезапно возвращается,
Читает некрологи, презентует книги,
Наслаждается славой, возглавляет престижный конкурс,
А через несколько лет просто исчезает.

И уже ничего никому не надо делать,
Ибо все давно сделано.
Параллельная далекая вселенная
Устроена очень справедливо.

ЗАДАНИЕ

Одаренным детям из пятого «а»
Дал задание новый классный руководитель:
— Дорогие ребята, придумайте ад —
Любой, какой захотите.

Вы уж фантазии волю дайте,
Докажите, что креативными зоветесь не даром.
Можно пользоваться литературой — есть Данте,
Анатомический атлас и *Malleus Maleficarum*.

Красной ручкой впишите имя и дату —
Таковы правила нашей игры.
По звонку листочки сдаём, ребята,
Иванов, не списывай у Зухры.

По звонку листочки сдали ребята,
Собрались в коридоре, ждут результат.
А новый классный руководитель пропал куда-то,
Даже оценок не выставил, гад.

ОФИСНЫЙ PROMOTION

Окуклился сотрудник Раппопорт,
Теперь он станет яркокрыл и нежен.
Мы думали — уехал на курорт
Или больничный взял, так нет же, нет же.

Он помещен в отдельный кабинет,
В условия телесного комфорта,
Где влажно и тепло, и мягкий свет
И на диване — кокон Раппопорта.

Окуклилась Егорова, она
И раньше не особенно хотела
Быть менеджером среднего звена,
Завидуя начальнице отдела.

Окуклиться готовы Федорук,
Карапетян, Потапов и Лучинкин.
Один лишь я, уткнувшись в ноутбук,
Сижу — забытый кандидат наук,
Оставленный на стадии личинки.

ОРГИЯ МАТЕМАТИКОВ

Вы не понимаете, ну как вы не понимаете,
Не знаете, ругая воров и творцов пенсионной реформы,
Какие страшные оргии устраивают математики,
Маленькие адепты гигантских формул.

Ни прокуратура, ни следственный комитет,
Ни даже всемогущая ФСБ
Не могут поймать математиков, а если и ловят, то те
В протоколах пишут: «Возьмем отрезок АВ,

Расположим его на окружности,
Центром которой является точка О...»,
И следователь убеждается в своей ненужности,
Он не способен доказать ничего.

А математик все доказывает без адвоката,
На любые случаи имея тысячи теорем...
Математик каждую пятницу едет за пределы МКАДа
На дачу, обозначенную на карте как точка «М»,

Где его поджидают коллеги, угрюмы и бородаты,
С графином водки в виде хрустального интеграла.
Математик берет интеграл, закусывает салатом.
Им подвозят математичек (ФМШ тут за два квартала).

И тогда начинается нечто — мороз по коже,
Жуть во славу Эйлера, Перельмана и Фибоначчи...
И разоблачить математиков способен только такой же,
Но предателей вычисляют рано. А как иначе?

В КАЖДОМ КЛАССЕ БЫЛ БОТАНИК

Ау, ау, ну где жы ты, ботаник,
Твоих очков, гербариев твоих
Нам, дуракам, сегодня не хватает,
О, как некстати ты затих,
В каких садах, среди лесов каких?

Мы были все самбисты и гимнасты,
Разрядники циничные слегка,
А ты молился богу Теофрасту,
Заучивая формулу цветка.
И всё, дружок, пока.

Лежи себе на белом цветоложе
В красивом ботаническом раю,
Мы более тебя не потревожим,
Не отберем амброзию твою...
We all are missing you.

ЭКСПЕРИМЕНТ

В Национальной лаборатории имени Лоуренса в Беркли,
штат Калифорния,
Во время важного физического эксперимента случился
сбой программы,
И техник Пол Смит на одну тридцатидвухмиллионную долю
секунды стал богом.

За это краткое время он осознал устройство Вселенной,
Увидел все возможные вероятности будущего человечества,
Спас тонущего котенка и навсегда остановил эксперимент.

Эксперимент действительно был опасным, но никто этого
не узнал,
Ибо ровно через одну тридцатидвухмиллионную долю секунды
Пол Смит вернулся к обычному состоянию простого техника.

Да и мы бы никогда ничего не узнали, но спасибо котенку,
Который запомнил, как некто огромный и сияющий вытащил
беднягу из реки
Быстро-быстро, но котенку хотелось еще быстрее, поскольку
вода ужасно холодная.

* * *

*«Порядочный химик в двадцать раз
полезнее всякого поэта»
(И.С. Тургенев «Отцы и дети»)*

То-то химик хорош он усат и статен
Он когда проходит в своем халате
Замирают колбы поют реторты
И пробирок стройных встают когорты

На руках его розовеют шрамы
Он рисует бензольные гексаграммы
И вельветовым молится баритоном
Альдегидам кислотам спиртам кетонам

А теперь для сравнения возьмем пиита
Под глазами мешки голова не мыта
По карманам исписанные тетрадки
На лице все признаки лихорадки

Не удобришь поле ямбом хореем
От гундосых виршей мы не бодреем
Сколько б он извилистых слов не мекал
Все без толку а химик он бог молекул

Прогоняйте пиитов пииты буйны
Веселитесь химики бейте в бубны
А седой Менделей повязав бандану
Пусть стучит задорно по чемодану

КАНАРЕЙКА

I

Канарейка, что живет в ресторане отеля «Кронон»,
Поет не хуже Андреа Бочелли.
Слушая пение канарейки,
Посетители ресторана заказывают все больше и больше
Дорогих экзотических блюд,

Потому что не могут уйти, не дослушав очередную песню.
А канарейка все свищет...

Но как только кто-то достает телефон и пытается записать
её голос

Или снять видео, птица замолкает.

И тогда другие посетители с осуждением смотрят
на провинившегося гостя.

Они лишились песни и покидают ресторан.

Раз в год, конечно же ровно в полночь, как полагается,
Колченогий шеф-повар Махмуд
Открывает клетку, хватает испуганную птицу и шепчет:
«Мутабор!»

II

Все мы видели афишу:
«Раз в году в отеле «Кронон»
Ровно в полночь выступает
Самый лучший в мире тенор».

Насладиться этим пеньем
Раз в году в отеле «Кронон»
Едут чопорные венцы
И горячие миланцы.

Сам великий Паваротти
Промокал глаза салфеткой,
А потом хватал другую,
Слезы зависти скрывая.

Можно долго слушать песни,
Но записывать нельзя их,
Только слушать, только плакать
И смеяться от восторга...

Утром гости разойдутся
В номера отеля «Кронон»
И чудесные букеты
Унесут официанты.

Свет уборщица погасит,
А шеф-повар колченогий
Подойдет к певцу, обнимет
И прошепчет: «Мутабор!»

III

Бизнесмены, дамы, клерки,
Вон туристик завтрак щиплет,
А из дивной медной клетки
Свист и щебет, свист и щебет.

Будто море закипело
Над песчаной желтой лентой:
Vide 'o mare quant'è bello,
Spira tantu sentimento.

Канарейку не жалея ты,
Птица бедная глупа:
Torna a Surriento,
Famme campà!

БЕЗЫМЯННОЕ ДИТЯ

Несется по Италии
Мальчонка озорной:
— Я маленький, я маленький,
Большой идет за мной.

Придет когда — неведомо,
А я гоню пока
Коротенького бледного
Лохматого конька. —

Ломбардия и Брешиа
То плачет, то поёт.
И лишь в садах по-прежнему
Чего-то там цветет.

То белое, то алое,
А сверху — синева,
И вроде бы Италия,
Италия жива.

* * *

Влюби в себя медведя полкового,
Хорошего медведя, боевого,
Что может танцевать под барабан.
Когда идешь с мохнатым геркулесом —
Любой маньяк тебя обходит лесом
И хулиган.

Как хорошо с медведем маркитантке,
Не нужен парню ни халат, ни тапки —
Вот он приходит из полка домой
С кольцом в носу, голодный и усталый,
Ему для счастья требуется мало:
Корми да лапы мой.

Но если прозвучит сигнал тревожный,
Отправится сожитель твой таежный
Когтями защищать родимый край,
А ты в обозе, где тепло и сухо,
Грусти, читай ночами «Винни-Пуха»,
А Шварца не читай.

III

* * *

У нас погибла водомерка,
Теперь вода неизмерима,
Она бушующим потоком
Смывает наши города.

Мы не построили ковчегов,
Нас просто не предупредили
Ни замечательный синоптик,
Ни восхитительный пророк.

Теперь спасаемся, как можем,
И счастливы владельцы лодок,
Всем остальным достались бревна:
Ментам, чиновникам, бомжам.

Мы зажигали фейерверки,
Мы зарабатывали деньги,
Квартиры брали в ипотеку
Подолгу делали ремонт.

Мы как-то вышли на прогулку,
И там был, вроде, пруд пожарный.
Вдруг кто-то смотрит: водомерка.
И бросил камень. И попал.

СУМБУРНОЕ ВОСХИЩЕНИЕ ФЛОРЕНЦИЕЙ

Небольшая терраса с видом на синагогу,
И чудесен закат, и чудесно вино «*Tufesco*»,
То сгущаются птицы, то рассыпаются, в эпилоге
Уходящего дня задернется занавеска.

Это я соврал, у них — зеленые ставни,
Это был не пейзаж, а лишь эскизы, наброски.
На одном из них появится в тексте Бродский,
Он сейчас уйдет — коварен воздух Тосканы.

Нет, у них за ставнями все-таки занавески,
Из задернув, скажет приезжий философ спален,
Мол, такое яйцо умудрился снести Брунеллески,
Что вопрос о примате курицы больше не актуален.

.....

Здесь кричать, как по облаку бить кувалдой,
А вот шепот для ангелов — различимей,
Мы пока не взлетели, мы ждем команды,
Нас еще земные не долечили.

ТЕНЬ

Он жив и даже не постарел,
сидит, покачиваясь слегка,
слегка похожа на пистолет
тень его башмака,
слегка похожа на постамент
сцена подвального кабака.

Читает про город и про метель,
про баб и как умереть счастливым,
он сам орел и сам прометей,
себе терзающий ливер.

Вот он слегка шевельнул плечом,
и я заметил — дрожит слегка
тень от шнура, спусковой крючок
в тени его башмака.

СИНИЕ ТАПКИ

В троеборье «пиво-коньяк-Танечка»
он сломался глупо на коньяке,
накатал записку, надел тапочки
и ушел топиться к Неве-реке.

Город вел себя неприлично, птично,
рокотал вороной, горланил голубем,
наблюдал, как некто непоэтично
постучал и рухнул в окошко проруби.

Но остались плавать синие тапки,
не пристать к земле им, хоть берег близок —
обреченные корабли Улисса
в десяти шагах от родной Итаки.

ALT ULYSSES

Умру от настроения осеннего,
от крепких вин,
кровать моя не хуже одиссеевой —
попробуй, сдвинь.

И лук мой боевой не сгорбить хилому
усильем рук,
но я отличен от героя хитрого —
я сам умру.

Так пусть же сын, в убийцы мне намеченный,
спит дома, пьян,
пусть рыба кость, что станет наконечником
его копья,

холодной плотью бережно укутана,
среди глубин
еще чуть-чуть поплавает, покуда я
от крепких вин

от сентября, когда вокруг тепло еще
и ночь не зла,
уйду, как парус развернув полотнище,
что ты ткала.

ФАМИЛИОН

Мог бы жить и во Франции — Париже или Версале,
фамилия подходящая, не Кушнер и не Кенжеев,
завел бы подругу с темными короткими волосами,
беззащитным взглядом и родинкой у основанья шеи.

Она приезжала бы вечером на маленьком ситроене,
консьерж ей кивал приветливо, мол, «бон суар, с'иль ву пле»,
а я бы ждал на диване в приподнятом настроении,
в мечтах и еще, как водится, в абсенте и конопле.

Лети, наш волшебный парусник с зелеными парусами,
как ты красива, родинка, у основанья основ,
пусть нам завидуют жители Парижа или Версаля,
пусть нам завидуют русские, которые Иванов!

МЕЛЬНИЦА

белый кот на меленке
жировал
наблюдал как медленно
жернова

набивают облака
мнут муку
у кота же та мука
на меху

вот и я бы прочь тоска
на селе
мог бы жить мешки таскать
на себе

на упреки баб плечом
пожимать
тридцать лет а все еще
не женат

ой ты мельника зазря
не чаруй
приходи когда заря
ввечеру

будем хлеб в вино макать
кликать сон
побежит в часах мука
не песок

африки америки
далеко
на небесной меленке
дремлет кот

* * *

Я хотел купить кота,
Я решил купить кота,
Но теперь не понимаю,
Что же все же я купил.
Денег нет, а это значит,
Что-то все же я купил.
И кота нигде не вижу,
Значит, это был не кот,
Прост плод воображенья,
Просто плод.
А деньги где?

* * *

Я смачной колбасы, блохастый Джим,
Принес тебе в писательском портфеле;
Над Крымом облако, похожее на Крым,
Пробитое Луной в районе Коктебеля.

Давай глядеть в пробоину, навверх...
На берегу, шипящем от прибоя,
Пес местный и неместный человек
Лежим, вполне довольные собою.

Вот облако ушло за Карадаг,
И Джим спешит за облаком внезапно,
А лапу дать на счастье? Как же так?
Уходит пес — и счастье безлапно.

* * *

Мне море говорит с набитым ртом
по-гречески, похоже, и притом
ругается, как матросня в притонах,
о черное, о, что оно несет,
и сразу видно — перс его не сек,
еврей не рассекал до впадин донных.

Да где его воспитывать, кому,
не сыщешь воспитателя в Крыму,
куда пойти — к туристам ли, татарам,
давно плевать волнам его, ветрам
на мой укор и красноморский шрам,
и царственную плеть над Гибралтаром*.

Мы с хулиганом этим говорим
о том, что вытек раскаленный Крым,
как будто крем из дырочки в эклере
из континента — и застыл едва,
и море выдает порой слова,
что и гребец краснел бы на галере.

* Автор в курсе, что высекли Дарданеллы,
но Гибралтар тоже страдал.

БЕССМЕРТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Бессмертный человек идет по коридору,
включает в ванной свет бессмертной рукой,
и мертвая вода, насыщенная фтором,
коснувшись рук его, становится живой.

Вот он полощет рот, а зеркало над ванной
показывает фильм про зайку в сундуке,
про то, как в кабаках вовсю храпят Иваны —
дурак на дураке.

Кощеева игла, о спящие нечутко,
придумана для вас, а правда такова:
я жив, пока жива моя зубная щетка,
пока она жива, она пока жива.

ЖЕНСКАЯ ГОТИКА

Полнолунные пляски, крылатые ваши метлы,
уличит вас рыцарь ли знатный, смерд нерадивый —
‘нюрнбергские девы’ исправно рожают мертвых,
легион уже народили.

Легион рыжеволосых, юных, бескровных,
вы в корнях земных исчезли, в небесных кронах,
где поет ветерок, лесная свистит пичуга
будто бы жизнь — как чудо.

НОЖ

Друзья звонят все реже,
придется одному
болтаться по Разъезжей,
по Загородному.

С тоскою бестолковой
о женщине одной
спущусь в подвал торговый
и нож куплю складной.

Стеклом укрытый, годы
нетронутым проспав,
железа с углеродом
чистопородный сплав

удобно в руку ляжет —
котенок и клинок —
ты мой навеки, я же
теперь не одинок.

Поберегись, прохожий,
хозяина клинка —
он чуть Парфён Рогожин,
он идиот слегка.

ПРОСТОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Вот серое пальто
С большим воротником,
Два дня тому назад
Я думал о таком.

А нынче в магазин
Зашел — и вижу — ба!
Как раз мое пальто
И, стало быть, судьба.

И, стало быть, купил —
Теперь гляжу тайком
На серую судьбу
С большим воротником.

* * *

Уборка квартиры — как исповедь
Двух комнат и кухни, потом
Еще что-то вымыть и выстирать —
Вот так очищается дом.
На улицу мусор выносятся,
Впускается в окна февраль.
Дом будет прощен, а виновница
Моей суеты — прощена ль?

КОШКА НА ПОДОКОННИКЕ В 1961

Стандартная квартирка в Москве или в Ленинграде — кошка на подоконнике лежит, разглядывает прохожих, как вдруг у нее в голове включается радио, необычное радио «только для кошек»:

*«Uwaga, Uwaga, Achtung, Achtung, Внимание всем хвостам!!!
Attention, Attention, кошки мира, мы обращаемся к вам!
Вчера Гагарин своим кораблем проделал в небе дыру,
уходит воздух, кончается воздух, скоро мы все умрем,
закончится воздух часам к четырем, тогда мы все и умрем!»*
Кошка думает: — Странно. Неужели и я умру?

*«Убежать нельзя, переждать нельзя и
заделать дыру никак.
Погибнут птицы, жирафы, потом хозяин,
дальше очередь крупных собак...
Повезет лишь рыбам в морях самых дальних,
дельфинам, подводникам и китам»*

Тогда кошка лезет в пододеяльник,
она всегда спасается там.

CAT AND PATERSON

Включили кино про Патерсона.
Кошка глядит, прижимая уши,
Она стихами потрясена,
Кошка — любитель Джармуша.

Патерсон пишет в секретном блокноте
Про спички и женщину что-то,
У кошки секретного нет блокнота,
И даже обычного не найдете.

Кошка — тоже поэт, но лежащий,
Кошка — тоже поэт, но кошачий,
Возможно, она — Ахматова
Измерения пятого.

Из мягкого кресла мы смотрим кино,
Но слышать двуногим, увы, не дано,
Как там, в измерении пятом,
Читают котам и котяткам:

«Славный мурлыка, прыгун и бегун,
Где ты теперь, сероглазый мейн-кун.
Спрыгну с лоточка, себя оближу,
В серые глазки котят погляжу...»

* * *

Хотел придумать рай для поэта — и вот тебе на:
Ни пиров Валгаллы, ни сочных гурий Джанната,
Только ранняя осень и домик над озером, и луна,
Кисточки, тушь, бумага — большего и не надо.

Наблюдать за дорожкой лунной, слушать шорохи камыша,
Рыбы тихий плеск да птичий крик над водой,
Так сидит поэт и кисточкой, не спеша,
Он выводит строки — одна прекрасней другой.

И приходят друзья — Вергилий, Овидий, Дант,
Пьют вино, головами кивая: — «Ты гений, блин!»
А потом я внезапно взял и придумал ад —
То же озеро, кисточки, строки... но ты один.

* * *

«Не так опасен еж, как смерть ежа» —
Слова возникли огненные эти,
Когда я, онемев, полулежал
У девочки-дантиста в кабинете.

Слова горели за окном — и вот
Распались и потоком золотистым
Влетели в мой давно открытый рот,
Пропущенные девочкой-дантистом.

И стал я в тайны леса посвящен,
Тогда, на кресле, я узнал впервые
Про шёпоты животных, а еще
Про длинные цепочки пищевые.

И то, что лес, где умер еж, кривей
Становится и реже, в нем отряды
Растут полевок, ящериц, червей,
Плюс, майские хрущи и шелкопряды.

Какая фраза емкая была,
Какого необычного накала,
От нудного гудения сверла
Она так превосходно отвлекала.

FEMME FATALE

Хоть ангелом живи,
Хоть бейся и скандаль,
Внезапней ОРВИ
Приходит *femme fatale*,

Она приходит к вам,
Садится на тахту,
И вряд ли эта *femme*
Напоминает ту,

Которую в уме
Вы держите, весьма
Влюбленный в Мериме
И прочее Дюма.

Где роза быть должна,
Где лилия должна,
Там ночь и белизна,
Но все же вот она —

Качает головой,
Фатальная вполне,
И тапок гостевой
На узенькой ступне.

ПОЗИТИВНОЕ

Какой сатин, какой сатин,
по двести, по пятьсот,
с ума сойти, с ума сойти
от таких красот!

А ситчик-то, а ситчик-то —
горошки да сердца, —
и девочка лисичкою
глядит на продавца:

— Отрежь-ка василькового
по лучшей по цене,
чтоб наши поселковые
завидовали мне,

чтоб в платьице коротеньком
я выходила в май,
ах, на коленках родинки,
гляди, да не замай.

Вы обсуждайте ситчик мой,
болтайте про сатин —
и агроном Васильчиков,
и фельдшер Константин.

ДЕВОЧКА И ЛЕТЧИК

Летчик, летчик, свяжи-ка носочки,
холода донимают нас очень,
ну а ты, в небесах пребывание для,
за петлею петля, за петлею петля,
полетаешь часок — будет правый носок,
полетаешь часок — будет левый носок,
никакая старушка со спицами
не сравнится с железными птицами.

А потом ты хоть с голубем, хоть с воробьем
мне на землю два теплых носка передашь,
летчик, летчик, мы в тайне с тобою вдвоем
сохраним восхитительный твой пилотаж.

В общем, я залезаю на деревце,
буду в небо глядеть и надеяться.

А коль хватит тебе керосина —
я бы шарфик еще попросила.

КАРАМЕЛЬКА

Мы пошли в зоопарк,
чтоб увидеть лося,
я глядел на лося,
карамельку сося.

А потом мы решили
взглянуть на ежа,
я смотрел на ежа,
карамельку лижа.

Карамельку лижа
или все же лизя,
нет, «лизя» говорить
однозначно нельзя.

Или можно «лизя»,
а не нужно «лижа»?
Я забыл обезьян,
бегемотов и жаб,

мой язык онемел,
окосел, охромел,
мой язык перестал
ощущать карамель.

Вот такая беда
происходит, друзья,
если жить, филологией
ум свой грузя.

* * *

Я спросил электрика Петрова...
(О. Григорьев)

На кончике гибкого троса
болтался Диего Педроса,
наказанный доном Мигелем
за шутки с шампунем и гелем.

Зачем ты, рабочий Петреску,
Решился украсть занавеску
И после занять ее место
В одном из домов Бухареста?

Джон Доу сказал Петерсону:
— «Я выпью за вашу персону,
веревку и чувство баланса!»
Молчит Петерсон. *No answer.*

* * *

«Трут ли трутни в подворотне?» —
Как-то задал я вопрос.
Мне сказали: — Не сегодня,
Не в субботу, не сегодня,
Вам поможет не сегодня
Моисей Аронич Штос.
Он работает по будням,
Он — специалист по трутням!

К ИСТОРИИ НЕМЕЦКО-КОРЕЙСКОГО КОНФЛИКТА 1791 ГОДА

Гульфрид Бютке, мыловар и философ,
как-то вечером зашел к проститутке —
развеселой молодухе курносой,
не похожей на его фрау Бютке

Сильно Гульфрида она миловала,
даже лишний заработала крейцер,
а жена не дождалась мыловара
и решила: виноваты корейцы.

Мол, пора стрелять корейцев из пушки —
убивалась, истерила, кричала —
мол, сожрали ее бедного мужа,
после пива он совсем чау-чау.

Тут погромы начались и пожары,
только Гульфрид воротился некстати,
ибо так свою жену напужал он,
что хватил ее немецкий кондратий.

А корейцы на кобыле-попутке
увезли в Пхеньян морковь и капусту,
да посланник их на Гульфрида Бютке
накатал большую ноту курфюрсту.

Найден был первоисточник конфликта —
проститутка — как толпа ее была...
я читал об этом факте у Фихте
и чуть-чуть у Канта Иммануила.

К ВОЙНЕ 1812 ГОДА

(в подтверждение теории академика Фоменко)

Наполеон был выдумкой Тарлэ —
буян мужик, родившийся в Орле,
какой-нибудь Петров или Сусанин;
историка продажное перо
ему ввернуло титул *l'Empereur* —
и Бонапартом сделался пейзажник.

Помилуйте, какой Аустерлиц?
Париж и Петербург. Меж двух столиц
войска Мамая вырыли окопы.
Страшась татарской сабли острия,
два неженки — пруссак и австрияк —
бегут в Россию, на восток Европы.

Самой Европы участь решена,
великая китайская стена
уже пересекла ее границы.
И вот в тени, даваемой стеной,
Кутузов изобрел Бородино,
а Талейран — Тильзит с Аустерлицем.

Придуманным интригам и боям
дают оценку Нестор и Боян,
два писаря помещного приказа.
Доволен царь, не тратится казна,
и воспеваает «день Бородина»
один поручик на хребтах Кавказа.

ВОСТОЧНОЕ

У Синдбада дети в каждом порту,
на семи языках эта кодла кричит,
от арабских морей до ямаек-тортуг
есть синдбадовичи-мореходовичи.

С этим отчеством мальчик — изгой, бастард,
с этим отчеством девочке лучше в гроб,
а Синдбад-то дряхл, а Синдбад-то стар,
подозрителен, неопрятен, груб.

Позовет халиф — не идет Синдбад,
мол, нога болит и в желудке резь,
он гостей не пускает ни в дом, ни в сад,
щедрым был когда-то, да вышел весь.

Развлеченье старому — синема,
да когда в кальяне дымит гашиш,
да когда слуга ассасин Омар
на пари глотает живую мышь

МАТЬ ГЕРОСТРАТА

— Геростратушка, Геростратик, касатик,
вставай, вот спички, спали-ка храм!
— Маменька, умоляю, отстаньте,
земная слава меня не касается...
(из геростратовой спальни — храп).

— Сынуля, уже светло над Эфесом,
город к полудню будет что грелка,
и от Кассандры дурные вести,
виделось ей, будто парень в феске
к морю по улицам гонит грека.

Встань, да простит тебя Артемида,
храм запалишь — и спи хоть неделю.
— Маменька, вы не хотите мирно
пищу готовить, вам все громить бы —
сколько агрессии в хрупком теле!

Ладно, пойду, все равно не спится,
выдайте, мама, бензин и спички,
все подожгу, разнесу под нуль,
имя мое будет в черном списке,
станут кричать: — Герострат — вредитель! —
этого, маменька, вы хотите?

— Имя прославить? Хочу, сынуль!

* * *

Поэт набил себе тату —
Луну и сакуру в цвету.

Моряк набил себе тату —
Красивый парусник в порту,

Аптекарь попросил тату —
Рецепт настойки на спирту,

А дзен-буддист набил тату —
Иллюзию и пустоту.

IV

«ЖИЛ ТРЮФЕЛЬ ЖИЛЬ»
ИЛИ 36 ФРАНЦУЗСКИХ ТРАГИЧЕСКИХ ПЕСЕН
ИЗ ЖИЗНИ ПРОДУКТОВ

1

Анри, разумный майонез,
Плясать задумал полонез —
И тут же вытек на паркет...
Мой друг Анри, вас больше нет,
Вы — просто лужа на полу,
Уже уборщица Лулу
Пришла со шваброю и тазом.
Вот так мы потеряли Разум!

2

Тефтелька-террорист Аттила
В тот день купил себе тротила
И с криками: «Свобода фаршу!»
Явился к овощам.... О нет!
Прикрыв собой Луизу-спаржу
И редьку юную Жаннетт,
Упал картофель Оноре,
Навеки превращен в пюре.

3

Однажды марципан Гийом
Влез на коня и тряс копьём.
Увы, не стать ему Шекспиром,
Его кусали — и от ран
Погиб Гийом. Покойся с миром,
Смешной романтик-марципан.

4

МЕТАМОРФОЗА

Жил да был яйцо Роже,
Бац! — и он петух уже.

5

Багет Жан-Поль и Эльза фуа-гра
Друг с другом танцевали до утра
И прочно слиплись к девяти ноль-ноль,
Теперь они ни Эльза, ни Жан-Поль.

6

Парижский модный *saucisson* Луи
Надел с утра ботфорты не свои,
А Николая, седого сыра бри,
Известного бретера и задиры...
На Пре-о-Клер лежит Луи, в нем — дыры.
Мораль ясна: чужого не бери.

7

Жан-Ги, военный круассан,
Влюбился в суши Кики-сан
И, страстью нежною сгораем,
Все тайны ей поведал он,
А Кики-сан была шпион,
К тому ж, мужчиной-самураем.
Отставка, суд, позор, долги...
О, как ты низко пал, Жан-Ги!
Не куртизанка, не актриса,
Не львица светская, увы,
Тебя лишила головы,
А иностранный кубик риса.

8

Жил трюфель Жиль на поле под Пиньи,
Он пал в бою от пяточка свиньи.

9

Крестьянин Жак, бретонский кальвадос,
Лионцу божоле разбил случайно нос,
И юный божоле Патрик
Сейчас же — в крик! Приехала подмога,
Решили бить кого-то одного,
Вновь выбор пал на божоле нуво...
Отсюда вывод: не кричите много.

10

Пришел на пляж Лоран грильяз
(Что в целом для конфеты странно),
Растаял сам, испачкал пляж
И тех, кто был вблизи Лорана.
Мы больше загорать не ляжем
С таким невежливым грильязем!

11

Вали, снежок! Мороз, лютуй!
А слаломисту жарко...
Пьер — деревенский рататуй
Из Бонневаль-сюр-Арка,
Он даже летом и весной
Спуск изучает скоростной,
Пьер знает много лыжных трасс,
Но самую крутую

Он может приберечь для вас.
Пишите рататюю.

12

Мадам Сильви, котлетка-де-воляй,
Сказала дочке: — Поздно не гуляй,
Мол, во дворе видали буйабеса,
И даже говорят, что буйабес
К соседке нашей в форточку залез,
А та не абы кто, а поэтесса,
Что издала уже двенадцать книг!
- Маман, со мною будет Доминик,
Он культурист и стильный эскарго...
Тогда Сильви воскликнула: «Ого!»

13

Один омлет, *petit* Арно,
Из дома вышел в кимоно
И новых деревянных гэта,
Но был наказан не за это.
Родной стране месье омлет
Налогов не платил пять лет,
За что полицией Бордо
Он бит приемом айкидо.
Будь ты хоть *grand*, а хоть *petit* —
Налоги вовремя плати.

14

ЭПИТАФИЯ

Мой друг старинный, камамбер Арман,
Ты храбрым был, ты видел много стран,
Сражался в иностранном легионе,
Но как-то бог послал тебя вороне...

15

Месье Симон, повеса и эклер,
Купил себе на рынке револьвер,
Желая славы после суицида,
Его сосед по комнате, птифур,
Сказал: — “Сперва попробуй-ка *l’amour*,
Тут до Монмартра пять минут идти-то.
Вот адрес нежной булочки Жаклин...”
Так началась любовная поэма,
Месье Симон теперь раскатан в блин,
Остался без глазури и без крема.
Лежит и тупо смотрит в потолок,
И отдан револьвер его в залог.

16

На кухне плачет маленький Камиль.
Не побежит он кросс на десять миль,
Не поплывет вдоль берега Луары,
Не полетит в страну, где бродят ягуары,
А дети знать не знают о зиме.
Как трудно жить, когда ты — консомэ.

17

Кускус Назим хотел пойти к мулле,
Но повстречал Филиппа, крем-брюле,
С ним друг, лаваш по имени Армен,
Они спешат: играет «Сен Жермен»,
А стадион не близко.
— Отвези! —
Филипп Назима просит.
— *Allons-y!*
Кускус Назим загнал «Пежо» в тупик:
— Да здравствует марсельский «Олимпик»!

18

Тарталетка — платье в клетку — аппетитная Моник,
Сев однажды на банкетку, записала в свой дневник:
«Милый, милый киш Фабьен, приходи в мой сладкий плен,
Если завтра не придешь, выйду замуж за бриошь».

19

Жамбон Эмиль из города Кале
В пылу страстей позвал на дефиле
Летицию, прошутто ди Модена,
Чей муж хамон, стремительный Хосе,
Любовников приметил у д'Орсэ.
— Какой конфуз! — Предательство! — Измена!
Сверкнула вилка. Пострадали все.
Мораль: когда ты ветчина,
Твоя любовь обречена.

20

Эжен *est* полицейский артишок,
Умеет применять электрошок,
Не расстаётся с пистолетом «Глок»,
Но Жоффруа, раklet и *psychologue*,
Сказал Эжену как-то: — *Mon chéri*,
Мне кажется, ты мягок изнутри,
Без полицейской формы, друг Эжен,
Ты нежен и блажен.
И отвечал Эжен ему: — *Oui*,
Правдивы рассуждения твои,
Без формы я бесформенней, чем мусс,
Пойду — и вышиванием займусь.
Ушел Эжен — захохотал раklet,
На гвоздике желтел его жилет.

21

Тартар Бернар, красавчик с Монпарнаса,
Считал, что он художник, а не мясо.
Порою, выезжая на пленэр,
Он говорил своей подружке Клэр,
Швейцарке и фондю не из простушек:
— Мадмуазель, для ваших милых ушек
Есть не совсем приличный анекдот.
Друзья мои, художник — он не тот,
Кто в краску дам вгоняет анекдотом,
Но тот, кто краску на холсты кладет!
А ты, Бернар, — говядина и что там
Еще... желтки, табаско, лук-шалот.

22

Борщ-эмигрант по имени Борис
Ночами служит в клубе «Кипарис»
Швейцаром, а бывало на рояле
В Шатле играл такое, что стонали
Красавицы, от страсти трепеща:
— Анкор, Борис! Борща! Еще борща!

23

Гратен Бобо, владелец сенбернара,
Решил сыграть в большого кулинара,
Купил деликатесов целый воз,
Позвал гостей. Но тут вмешался пес
И все сожрал. Как поступить Бобо?
Простить иль наказать... Простил.
А вам слабо?

24

Суп а ль'оньон по имени Реми
В сад Тюильри любил ходить к семи
Утра и там пинать ногой ведро,
А к девяти он шел в свое бюро,
Где проводил полдня и ровно в три —
Обратно в Тюильри
Пинать ведро. — Послушай, суп Реми,
В саду ведром напрасно не греми,
Пока тебя в кусты не отвели,
Где можно и очков лишиться,
У нас на rue de Rivoli
Любой гарсон владеет джиу-джитсу.

25

Ромштекс Базиль влюбился в эскалопа
И подарил тому пучок укропа,
Бутылку кетчупа, большой электрогриль,
Но эскалоп сказал ему: — Базиль,
Загар на гриле — это не моё,
Я предпочту красивое бельё,
Кашне, одеколон от *Givenchy*...
А дальше хоть люби, а хоть дружи.

26

Гризетка Изабель, тирамису,
В Булонском начала гулять лесу
И заблудилась. Антрекот Альфред
Гризетке причинить собрался вред,
Прижав ее к стволу большого дуба...
— Месье Альфред, вы действуете грубо! —

Сказал отважный шампиньон Ролан,
Что рос неподалеку, — Вы — мужлан,
Пейзанин и последний *malhonnête!*
— Неправда! — отвечал ему Альфред, —
У дам к гуляньям отбивать охоту
Поручено Альфреду антрекоту
Министром *à des fins prophylactiques,*
Вот почему я с виду груб и дик.
Сегодня проучу тирамису,
А завтра ей цветочков принесу.

27

Стручковый перец Ив работал детективом,
И ни один апаш не связывался с Ивом,
Поскольку, нарушителя схватив,
О хулигана терся жгучий Ив.

28

Безе Мари любила петь шансон
Не просто так, а по ночам с балкона,
Её *tagi*, седой бисквит Самсон,
Любил гостить у Николая бекона,
Где наливали вкусное перно
И ставили негрустное кино.
Давно Париж не знал такого срама.
Представьте: полночь, на балконе дама
На весь квартал орет «тра-ля-ля-ля»,
А муж Самсон гостит у Николая.

29

Иветта, шоколадный кекс фондан,
— Я — капитан! — кричит, — Я — капитан!
Где боцман мой и где мой какаду? —

Ругается и мечется в бреду...
Не добавляйте в кекс ямайский ром —
Эксперимент не кончится добром.

30

Поэт Эдмон — лет сорока примерно,
Паштет и почитатель постмодерна,
Напился и упал случайно в куст.
Глядит, а там другой паштет, Огюст,
Изящно на забор закинув ногу,
Строчит эклогу:
— Прости, Эдмон, я первым занял куст,
Да и соседний, кажется, не пуст.
Кусты в Париже лучше, чем перина
Для каждого риета и террина.
Отсюда и до набережной Сены
Лежат в кустах Бодлеры да Верлены,
Выплескивая творчества гормон...

.....
Заплакал и домой пошел Эдмон:
— О Франция моя, в тебе поэтов
Не меньше, чем паштетов!

31

Мим Оливье, парижский профитроль,
Похожий на лысеющую моль,
Но крепкий изнутри и милый в гриме,
Туристов развлекал гримасами своими,
Когда какой-то школьник карбонат
Сказал: — Смотрите, пляшущий салат! —
И пальцем указал на мима.
Тотчас в огне и кольцах дыма
Артист навис над карбонатом
И стал вязать его канатом,

Крича: — Я — Оливье, но не салат —
Колбасно-майонезная попса,
Я — профитроль, запомни это, гад,
И в наказание повиси-ка полчаса
На кончике *La tour Eiffel*,
А я постерегу кроссовки и портфель.

32

Однажды фрикаделька Валентин
Явился в Лувр и там среди картин,
Бродил примерно час. Потом в своем блокноте
Он записал: «Я в живописи — ас,
Я видел все. Теперь потрачу час
На скульпторов. Где тут Буонаротти?»
Погожий день, снаружи плещет Сена,
Из Лувра вышел фрикаделька, он
Теперь в любом искусстве — Аполлон,
А сам не отличит Давида от Пуссена.
P.S.

Завистников не слушай, Валентин,
Меж фрикаделек ты такой один,
Что ходит по картинным галереям,
Все остальные спят в тиши кантин
Под кетчупом, сметаной, сельдереем...

33

Монах Раймон родился клёцкой,
Он жил в аббатстве Гранд-Шартрёз,
Где изнывал от страсти плотской
И ночью в царстве сладких грёз
Мечтал побыть московской клёцкой
Со станции Новослободской.

34

КРАТКОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ИЗУЧАЮЩИХ
ВРЕМЕНА ФРАНЦУЗСКИХ ГЛАГОЛОВ

Спал анчоус на софе,
Это было *Imparfait*.
Въехал каперс на козе,
Получилось *Composé*.

35

Эстет Люсьен, соленый блин *pascale*,
В Жуан-ле-Пене смаковал мускат,
Купался в море, созерцал закат,
А рядом проплывал вульгарный скат...
Размолвка между скатом и эстетом
Закончилась печально прошлым летом.

36

Жаклин, красотка ананас,
Поклонница высокой моды,
На бал собралась как-то раз.
Ален с Альбером, бутерброды,
Из четырех пальто и шуб
Красотке сшили *mini-jure*
Чуть выше дамского колена,
Чуть ниже дамского бедра.
Жаклин воскликнула: — Ура!
Альбера чмокнув и Алена,
Всю ночь блистала на балу...
Пока уборщица Лулу,
Придя со шваброю и тазом,
Не съела все продукты разом.

V

НЕОЖИДАННОЕ ПИСЬМО

Дорогой поэт!
Твои стихи перевели на три мертвых языка.
Теперь тебя могут читать мертвые,
Они очень вдумчивы и внимательны.
Мы искренне надеемся,
Что твои стихи им понравятся.
Не волнуйся,
Наш переводчик безупречно выполнил работу.
Когда-нибудь ты встретишься с читателями,
А пока можешь добавить в биографию:
«Стихи переведены на три мертвых языка».
С уважением,
.....

Содержание

I

«Ангел-бабочка Маруся...»	7
Никодим	8
Белорусское	9
«Если выбрал погост, если выбрал стран...»	10
«А на Марсе яблони цвели...»	11
Иван	12
«Борис из Мексики приехал...»	13
«Оказывается, летчики верят в тысячерукого бога...»	14
Ротация (фантастическое-еретическое)	15
Почти гумилевское	16
Чулочки	17
Mélodie	18
Свины	19
Тридцатый	20
«Антон Поликарпович умер...»	21
Куда пойдет российский газ	22
Gloria mundi	23
О героях	24
Nasta siempre	25
До-диез минор	31

II

Лысый ангел	34
«Вещал мне дворник пожилой...»	35
«Старость подходит, ...»	36
21 марта	37
«Фестивали, на которые нас не позвали...»	38
Писательницам	39
«Я прошу блондинок и рыжих...»	39
«Одного молодого поэта упрекнули...»	40
Помните	41
«Говорят, что именами лучших поэтов...»	42
«Ты будешь прозябать на пенсии...»	43
Сюжет	44
Справедливость	45
Задание	46
Офисный promotion	47
Оргия математиков	48
В каждом классе был ботаник	49

Эксперимент	50
«То-то химик хорош он усат и статен...»	51
Канарейка	52
Безымянное дитя	54
«Влюби в себя медведя полкового...»	55

III

«У нас погибла водомерка...»	59
Сумбурное восхищение Флоренцией	60
Тень	61
Синие тапки	62
Alt ulysses	63
Фамилион	64
Мельница	65
«Я хотел купить кота...»	66
«Я смачной колбасы, блохастый джим...»	67
«Мне море говорит с набитым ртом...»	68
Бессмертный человек	69
Женская готика	70
Нож	71
Простое стихотворение	72
«Уборка квартиры — как исповедь...»	73
Кошка на подоконнике в 1961	74
Cat and raterson	75
«Хотел придумать рай для поэта — и вот тебе на...»	76
«Не так опасен еж, как смерть ежа...»	77
Femme fatale	78
Позитивное	79
Девочка и летчик	80
Карамелька	81
«Трут ли трутни в подворотне...»	83
К истории немецко-корейского конфликта 1791 года	84
К войне 1812 года	85
Восточное	86
Мать Герострата	87
«Поэт набил себе тату...»	88

IV

«Жил трюфель Жиль» или 36 французских трагических песен из жизни продуктов	90
--	----

V

Неожиданное письмо	105
------------------------------	-----

Литературно-художественное издание

Дмитрий Легеза
Бабочка Маруся
Стихотворения

Подписано в печать хх.хх.2022.
Формат издания 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. ХХ,Х.

RUGRAM

Акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.
www.letmeprint.ru

18+

*Знак информационной продукции согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*